

Ždanova, Vladislava

'Русский' и 'российский' в языке метрополии и диаспоры как проекция индивидуальной идентичности

Etnolingwistyka 20, 243-255

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Владислава Жданова
(Germersheim)

РУССКИЙ И РОССИЙСКИЙ В ЯЗЫКЕ МЕТРОПОЛИИ И ДИАСПОРЫ КАК ПРОЕКЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Autorka analizuje zmiany semantyki leksemów *russkij* i *rossijskij* w Rosji i w diasporze. Swoistość tych przymiotników jest wprost związana z ich identyfikacyjną funkcją, a zmiany w semantyce — ze zmianami identyfikacyjnego kodu nosicieli języka. Dla mieszkańców rosyjskiej diaspory w Niemczech rozgraniczenie semantycznych sfer tych pojęć nie jest tak istotne, bowiem samoidentyfikacja opisywana jest przez nich przy pomocy leksemu *russkij*, natomiast *rossijskij* rozpoznawany jest przez nich jako synonim *russkogo* w stylu oficjalnym, w wyniku czego dochodzi do poszerzenia semantyki leksemu *russkij*, który zaczyna być używany dla opisu wszystkich znaków „rosyjskiej obecności na świecie”: państwowych, językowych, narodowych, religijnych i ustrojowych (więc *russkij* znaczy zarówno prawosławny, jak i sowiecki). Poszerzenie semantyki odbywa się nie bez wpływu języka niemieckiego. W Rosji *russkij* i *rossijskij* mogą być określone jako znaki „zewnątrznej” i „wewnętrznej” identyfikacji i osobiste preferencje językowe mogą świadczyć o kulturowej i politycznej pozycji nadawcy. Konsekwentne użycie słowa *russkij* zamiast *rossijskij* dla określenia kategorii państwowoterytorialnych może być zarówno cechą mowy potocznej, jak i wyrazem świadomego sprzeciwu wobec ekspansji przymiotnika *rossijskij*. W ten sposób w Rosji i w rosyjskiej diasporze w Niemczech różni się nie tylko status lingwistyczny analizowanych leksemów, lecz również ich status semiotyczny oraz rola w procesie budowania samoidentyfikacji.

В статье представлены наблюдения над изменением семантики лексем *русский*, *российский* в русском языке метрополии и диаспоры, а также их семиотическим статусом в процессе выстраивания культурно-языковой идентичности.

Ключевая роль этих лексем в общем наборе компонентов «своего» и «чужого» в практиках коллективной идентичности очевидна. Употребление их в историко-лингвистическом контексте обсуждалось, в частно-

сти, в статье Олега Николаевича Трубачева «*Русский — российский*. История, динамика, идеология двух атрибутов нации» (2005). Размышляя о бытовании в современном языке двух указанных «атрибутов нации», О. Н. Трубачев отмечает: «... и *россиянин*, и *российский* сейчас, может быть, как никогда употребляются крайне неточно. Небрежностью это можно назвать далеко не всегда ... оба слова — *россиянин* и *российский* — наделены отчетливой идеологической, политической установкой — вытеснить, заменить слово *русский*» (Ibid.: 225). Эксперименты с носителями языка показывают, что конкуренция *русского* и *российского* и предпочтение того или другого «синонима» на языковом уровне так или иначе является проекцией определенного взгляда на этничность. В данном случае словоупотребление чаще всего является следствием не языкового вкуса, а постулируемого кода идентичности, в том числе и этнической, и политической. Не ставя перед собой задачи проследить все актуальные общественные дискуссии о русском или российском коде идентичности, упомянем здесь только «Русское против российского: Почему каждый второй россиянин не считает себя патриотом?» (Коммерсант, № 231/П от 11.12.2006) и статью Александра Дугина «Национализм: русский или российский?» (Время новостей, № 43 от 15.03.2006), в которой автор предостерегает об опасности этнического, «расового» национализма и сетует на отсутствие «российского политического национализма», составляющего, по его мнению, основу патриотизма.

Обращаясь к историко-этимологическим данным, О. Н. Трубачев показывает «универсальность употребления слова *русский* от св. кн. Владимира практически до Петра I» и для этнического, и для административно-территориального обозначения, и для обозначения явлений и предметов, относящихся к данному этносу и его территории (Трубачев 2005: 217). Распространение названия *Россия* и производных от нее *российский* и *росский* и замена *Руси* на *Россию* связаны, по мысли О. Н. Трубачева, с процессом европейской интеграции России (Ibid.: 218). Само название *Россия* представляет собой «искусственное образование, следы которого ведут на Запад» (Ibid.: 220, с ссылкой на А. Брюкнера). О. Н. Трубачев цитирует здесь и известное высказывание В. Даля о том, что «только Польша прозвала нас *Россией*, *россиянами*, *российскими*, по правописанию латинскому...».

Суммируя данные историко-этимологического анализа, О. Н. Трубачев подчеркивает, что «между словами *русский* и *российский* отсутствуют отношения взаимозаменяемости; *русский* этнично, а *российский*, благодаря своей прямой зависимости от *Россия*, имеет сейчас свой, только ему присущий, административно-территориальный статус»

(Ibid.: 225). Далее он отмечает, что *российский* наделен идеологической и политической установкой — вытеснить слово *русский*. Долгое время вытеснению *русского* служило *советское*, «сейчас это прошло, но русское восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно чинимыми трудностями, и на сей раз препоны русскому возрождению чинятся весьма искусно с помощью ставших модными *россиян* и всего *российского*, вплоть до отдельных ведомственных предприятий употреблять *российский* вместо *русский*» (Ibid.).

Наблюдения над разговорным языком метрополии и русской диаспоры в Германии также показали различия как в употреблении указанных лексем, так и в понимании их семантики. Причиной этого, по видимому, является не только перестройка компонентов триады *советский — российский — русский*, но и влияние узуса европейских языков (см., например, Цивьян 2000: 206 и след.). Подобное влияние, как это ни парадоксально, может привести к «экспансии» как одной, так и другой лексемы. При этом чисто языковое влияние вызовет скорее экспансию *русского*, так как европейские языки не знают разграничения *русского* и *российского* и в качестве единого эквивалента к обоим лексемам предлагают *Russian, Russisch* и т. п. Предпочтение же *российского русскому* может быть и данью западной политкорректности, т. е. следствием культурного и политического воздействия: в определенных контекстах *русский* употреблялось — вопреки семантическим законам и политической реальности — вместо *советский*. Сюда могут быть отнесены высказывания вроде *Die Russen kommen!* или *Русские вошли в Афганистан* (вместо *советские войска*), позволяющие интерпретировать политические акции СССР как агрессию одного из населяющих его этносов. Подобные высказывания не вышли из публицистического обихода и по завершении холодной войны, они продолжают бытовать и в современных политических текстах. Таким образом, сознательное стремление называть все *российским* (в том числе и русское, и советское) может быть связано и с нежеланием вызывать ассоциации с образом недавнего врага, которым являлся русский, пресловутый *der Iwan*.

Словарные определения

Обратимся к индивидуальным практикам выстраивания идентичности и проанализируем языковые проекции возможных кодов идентичности у представителей метрополии и диаспоры.

Очевидно, что в период очередного процесса европейской интеграции России переосмысление семантики двух лексем, называющих этноязы-

ковую, культурную, государственно-территориальную принадлежность, неслучайно. Неопределенность и неустойчивость семантического содержания лексемы *русский* на языковом уровне может быть рассмотрена как языковая проекция выстраивания новой идентичности, в дискурсивной практике которой культурный и прочий смысл «русскости» еще не определен, несмотря на то, что является предметом активных научных, политических и культурологических дискуссий.

Лингвистический интерес к *русскому* и *российскому* связан также с наблюдениями над противоречивым восприятием и употреблением этих лексем в разговорной речи и публицистике. С одной стороны, просматривается тенденция к расширению границ их значения, с другой — к конкретизации и сужению. Так, в определенных контекстах, особенно характерных для диаспоры, *русский* выступает в качестве синонима и к *русскоязычный*, и к *российский* и к *советский*, и даже к *православный*. В то же самое время намечается тенденция, прежде всего в метрополии, к разграничению *русского* и *российского*: *русский* призван употребляться как знак этнической принадлежности, а *российский* — как знак принадлежности государственно-территориальной (ср. *российский паспорт*, но не **русский паспорт*; *российский президент* и т. д.). Отсюда и все чаще употребляемое официальное обращение *россияне*, под которыми понимаются и нерусские с этнической точки зрения жители России (об этом пишет и О. Н. Трубачев (2003: 225)).

Следуя аргументам О. Н. Трубачева и опираясь на приводимый им языковой материал, можно было бы предположить, что после включения в обиход *российского* и *русского* их семантические сферы будут безболезненно распределены, а обе лексемы подвергнутся своего рода терминологизации, т. е. *русский* будет называть этнические и этнокультурные характеристики (*русский язык*, *русская литература* и т. д.), а *российский* — государственно-территориальную принадлежность. Словари, однако, такого четкого семантического распределения не предлагают.

Словарные определения к слову *русский* выделяют в его значении два основных компонента: этнический и государственно-территориальный, — таким образом, *русский* претендует и на область значения *российского*.

Главное слово — *русские*: ‘нация, основное население РСФСР, а также лица, относящиеся к этой нации’. *Русский* определяется в первом значении отсылкой к процитированному, во втором — как ‘принадлежащий русским, созданный русскими, свойственный русским’, а также как ‘прилагательное к *Россия*, *Русь*: *русская природа*, *русская история*’

(СРЯ 3: 742). В словарной статье приводятся также фразеологизированные единицы: *русские сапоги, русское масло, русская рубашка, русская печь, русским языком говорить*.

Обратимся к значению слов *российский* и *россиянин*: *российский* — ‘прилагательное к Россия’, *россиянин* — ‘устар. и высок. русский’ (СРЯ 3: 732). Очевидно, что «Словарь русского языка» семантических разграничений между *русским* и *российским* не проводит. Словарь Сергея Ивановича Ожегова определяет *российский* как ‘то же, что *русский*, относящийся к России».

Однако О. И. Трубачев в своей статье настаивает, что мы имеем дело не с синонимами, не с взаимозаменяемыми лексемами. Это оппозиция семантической маркированности, когда один из терминов — маркированный (иначе — признаковый, интенсивный), а другой — немаркированный (неотмеченный, беспризнаковый, экстенсивный): *русский* этнично, а *российский* имеет только ему присущий административно-территориальный статус (Трубачев 2005: 225–226).

Русский и российский в языке диаспоры

Обратимся к анализу узуального употребления *русского* и *российского* на материале записей разговорной речи русскоговорящих жителей Германии (2003–2006 гг.).

Для языка диаспоры характерно употребление лексемы *русский* в следующих значениях:

1) ‘русскоязычный’ (например, *русские студенты, русские клиенты*), в том числе билингв, т. е. носитель русского и немецкого языков, этническое происхождение при этом нерелевантно: *На славистике учатся одни русские* (имеются в виду носители русского языка);

2) ‘российский’, т. е. указывает на государственно-административную принадлежность (например, *русское посольство* вместо *российское, русский паспорт* вместо *российский, русские деньги, русские рубли*);

3) ‘советский’ (Когда русские заняли Берлин. . . ; Русские войска подошли к Берлину. . . ; русская армия вместо советская);

4) ‘православный’ (*В городе построили русскую церковь; Вы ходите в русскую церковь? А мы в немецкую* (т. е. протестантскую);

5) ‘относящийся к постсоветскому пространству’ (например, *русские немцы, русские евреи* и т. д., т. е. выходцы разных национальностей из бывших союзных республик);

6) ‘принадлежащий традиционной народной культуре и культуре бытовой’ (*русские блины, русские пельмени, русские валенки*).

Все приведенные употребления поддерживаются и узусом немецкого языка, не делающим различия между *русским* и *российским*. И *русский язык*, и *русская литература*, и *российский президент*, и *российское посольство* в переводе будут переданы одним и тем же атрибутом *Russisch: russische Sprache, russische Literatur, russischer Präsident, russische Botschaft*. «Различие между *русским* и *российским* не понимают на Западе», — отмечает О. Н. Трубочев в своей статье как фактор влияния и на употребление этих лексем в языке метрополии (Трубочев 2005: 226). О влиянии западноевропейских языков пишет и Татьяна В. Цивьян в статье о переменах в русском языке (2000). Представляется, что подобное влияние более заметно в употреблении этих лексем в языке диаспоры, находящемся в непосредственном контакте — в нашем случае — с немецким языком.

В перечисленных словосочетаниях отсутствует употребление слова *русский* для обозначения этнической принадлежности: при определении идентичности *русский* бытует как обозначение принадлежности культурно-языковой, которая может объединять представителей разных этносов. *Российский* практически отсутствует (исключением может быть названо редкое употребление *российский паспорт*, однако при этом *русское посольство*).

Вероятно, в отношении русскоязычной диаспоры в Германии можно говорить о том, что «русскость» для ее представителей конструируется за счет языка, страны происхождения и бытовой культуры, она рассматривается — как и «другая», «чужая» этничность — как приобретаемый набор признаков. Одна из пожилых информанток, рассказывая в интервью о своей семье, так характеризует ее культурно-языковую ориентацию: *Мой внук уже совсем немцем стал, по-русски и говорить забыл*, т. е. в вопросе идентичности на первом месте для диаспоры стоит идентичность языковая, именно она определяет «русскость» или «нерусскость».

Для перепроверки употребления *русского* и *российского* двадцати студентам переводческого факультета Университета им. Й. Гуттенберга (Майнц), которые являются представителями диаспоры и, соответственно, практически в равной степени владеют русским и немецким языками, в декабре 2006 г. была предложена следующая анкета.

Отметьте, пожалуйста, какой из предложенных вариантов представляется Вам корректным. Кратко объясните, почему неверен другой вариант. Если оба варианта, на Ваш взгляд, корректны, отметьте, пожалуйста, предпочтительный. Если оба варианта некорректны, допишите, пожалуйста, свой вариант.

1. У меня *русское гражданство*, а у мужа *немецкое*.

У меня *российское гражданство*, а у мужа *немецкое*.

2. *В городе построили русскую церковь.*
В городе построили русскую православную церковь.
В городе построили православную церковь.
3. *Мы ходим в русскую церковь, а наши соседи в немецкую.*
Мы ходим в православную церковь, а наши соседи в лютеранскую.
4. *Русские войска подошли к Берлину в конце апреля.*
Российские войска подошли к Берлину в конце апреля.
5. *Русские войска должны быть незамедлительно выведены из Чечни.*
Российские войска должны быть незамедлительно выведены из Чечни.
6. *Русский президент заверил собравшихся, что им будут предприняты все необходимые меры для обеспечения безопасности в регионе.*
Российский президент заверил собравшихся, что им будут предприняты все необходимые меры для обеспечения безопасности в регионе.
7. *Русские немцы и немецкий паспорт получили, и русский (российский) сохранили.*
Российские немцы и немецкий паспорт получили, и русский (российский) сохранили.
8. *У меня русский паспорт.*
У меня российский паспорт.
9. *Германия в последнее время ввела ограничения на въезд русских евреев и немцев.*
Германия в последнее время ввела ограничения на въезд российских евреев и немцев.
10. *Завтра поеду в русское посольство.*
Завтра поеду в российское посольство.
11. *У нас в основном русские клиенты: евреи, немцы из Союза, украинцы, — так что по-немецки мы редко говорим.*
У нас в основном русскоязычные клиенты: евреи, немцы из Союза, украинцы, — так что по-немецки мы редко говорим.

Не абсолютизируя пилотажных выводов, сделанных на основе анализа 20 анкет, кратко обобщим основные предпочтения информантов и их комментарии к вопросам анкеты.

Большинство информантов предпочитают употреблять лексему *русский*, которая, на их взгляд, уместна всегда или почти всегда: *русское гражданство*, *русская церковь*, *русские войска* (в значении ‘советские’), *русские немцы*, *русский паспорт*, при этом некоторые из них допускают употребление и второго варианта — с лексемой *российский*. Таким образом, представления о четком семантическом распределении этих лексем у информантов нет, в случае сомнения они предпочитают употреблять лексему *русский*, обозначающую все понятия и явления, смежные с Россией, с русской и российской политической и культурной жизнью.

Информанты допускают употребление лексемы *российский* прежде всего в следующих сочетаниях: *российское гражданство*, *российские*

войска, российский президент, российское посольство, российский паспорт. В остальных случаях они предпочитают употребление лексемы *русский* в значении 'православный', 'советский', 'принадлежащий русской культуре'. *Российский* в языке диаспоры имеет, следовательно, более узкую сферу бытования, обозначая государственно-территориальную принадлежность. Сфера бытования *российского* тем более узка, что большинство информантов, выбирая *российский*, указывают, что второй вариант (*русский*) «также допустим» или даже «более употребителен» (примеры 1, 8, 10).

Различия между *русским* и *российским* интерпретируются информантами чаще всего как стилистические: *русский* расценивается как лексема с оттенком разговорности, а *российский* — книжности; *российский* воспринимается и как маркер официального стиля. Подобные комментарии сопровождали употребление *русское/российское гражданство* (*войска, паспорт, посольство*). Примечательно, что лексема *советский* даже в высказываниях, относящихся ко Второй мировой войне (пример 4), свободно заменяется на *русский*, видимо, не без влияния немецких СМИ. Только шесть информантов предложили вариант *советские* (с пометой «лучше»), но при этом только один отметил оба варианта. Остальные опрошенные (19) сохранили вариант с *русскими войсками*, снабдив его пометой «разг.».

Информанты, не сопротивляющиеся, как видно из примеров, экспансии *русского* как наиболее нейтрального «синонима» к лексемам *российский, православный, советский*, также отмечали, что ими самими нередко осознается асимметрия между нормой и узусом. Так, зная, что с точки зрения нормы следовало бы употребить *российский* (*русскоязычный, православный, советский*), а не *русский*, они предпочитают ненормативный, «разговорный» вариант, сознательно следуя узусу, близкому в данном случае узусу немецкого языка. Ср.: вариант *В городе построили русскую церковь* (пример 3) информант осознает как неправильный, но при этом отмечает: «я так говорю, хотя и знаю, что это неправильно». Другой информант называет предпочтительным вариант *В городе построили православную церковь*, отмечая при этом, что употребил бы и первый вариант, «если бы пришлось объяснять друзьям, которые долго живут в Германии и не знают, что такое православная церковь». Здесь также очевидна ориентация на узус и на когнитивную базу собеседника.

Различия в употреблении *русского* и *российского* интерпретировались, как уже говорилось выше, и с точки зрения семантики. Учет семантических, а не стилистических отличий был бы здесь более уместным, однако информанты чаще указывают на стилистические, а не семантиче-

ские особенности. Семантические ограничения в употреблении лексемы *русский* отмечены информантами в словосочетании *русский/российский президент* (пример 6), — *русский* воспринимается здесь как обозначение этнической принадлежности, а не государственно-территориальной, которую призвана выразить лексема *российский*. То же семантическое ограничение отмечено и в комментариях к примеру 11.

Таким образом, можно говорить о том, что в языке диаспоры наблюдается расширение значения лексемы *русский*, употребляемой в качестве нейтрального «синонима» к лексемам *российский*, *русскоязычный*, *православный*, *советский*. На периферии *русский* еще сохраняет значение этнической принадлежности, что осознается информантами, как правило, только при наличии конкурирующих вариантов употребления. *Российский* может употребляться для обозначения государственно-территориальной принадлежности, хотя воспринимается при этом как знак официального стиля или письменной речи.

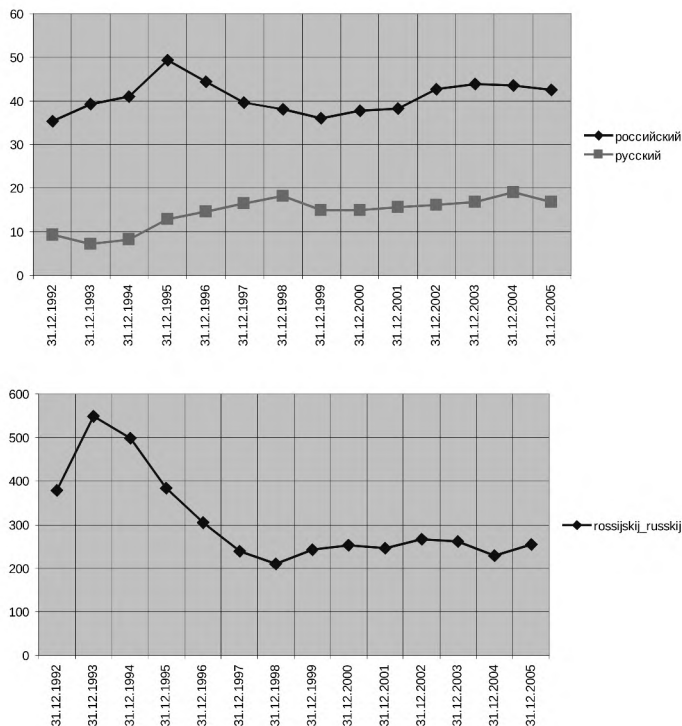
Русский и российский в языке метрополии

Если обратиться к бытованию *русского* и *российского* в языке метрополии, в том числе и в языке СМИ, можно обнаружить следующие тенденции.

По сравнению с языком диаспоры в языке метрополии четко прослеживается употребление лексемы *русский* для обозначения этнической (этнокультурной) принадлежности. Как и в языке диаспоры, *русский* характеризует и компоненты традиционной культуры (*русские блины* и под.).

Можно говорить о том, что *российский*, наследник *советского*, описывает границы внешней идентичности, *русский* — внутренней, неотчуждаемой. При таком взгляде на компоненты «своего» пространства необходимыми оказываются обе лексемы. При этом если *советский* наделен отчетливой негативной коннотацией, *российский* подобной коннотации не обнаруживает, выступая в то же самое время и «этнически нейтральным» синонимом к *русскому*: ср., например, употребление *российские писатели* вместо *русские писатели*.

Частотность употребления анализируемых лексем прослеживается с помощью Интегрум — электронной базы данных, располагающей текстами ежегодных изданий 300 газет центральной российской прессы с 1992 г.

Сопоставляя кривые частотности той и другой лексемы, можно отметить следующее: 1) с 1992 г. к 2004 г. частотность лексемы *русский* возросла на 100%, лексемы *российский* — на 14%; 2) если в 1992 г. *российский* употреблялся в 3,5 раза чаще, чем *русский*, к 2004 г. это соотношение изменилось и остается актуальным по сей день: *российский* употребляется сейчас в 2 раза чаще, нежели *русский*. Соответственно, можно говорить о том, что *русский* все активнее употребляется в языке российских СМИ, покрывая и ряд значений, выражаемых ранее лексемой *российский*. Ср., например, лингвистически ошибочную попытку заменить сочетание *российские войска* на *русские войска*, связанную, вероятно, не в последнюю очередь и с созданием образа «этнического» врага: с 2001 г. эти сочетания одинаково частотны, в то время как в предшествующее десятилетие употребление сочетания *русские войска* отмечено в 10 раз реже.

По данным лингвистических экспериментов (2001 г., Москва, студенты-филологи 17–24 лет, 100 человек), в рамках которых информантам предлагалось на слова *русский* (-ая, -ое), *русские* зафиксировать свои ассоциативные реакции, а также сформулировать их значение (подробнее об этом эксперименте см. Жданова 2006), можно сделать вывод

о конкуренции двух представлений об идентичности. Идея выдвижения этнического критерия на первое место в иерархии компонентов идентичности как неотчуждаемого свойства противостоит идее приобретаемого кода этничности, в которой на первое место выходят языковая, социокультурная и государственно-территориальная характеристика. Так, русскими, согласно второму представлению, признаются носители и знаатоки русского языка и культуры, которые отличаются и пресловутой «русской ментальностью», независимо от их происхождения.

Согласно данным теста, *русский* конкурирует с *российским* при обозначениях составляющих дискурса русской идентичности в культурно-историческом аспекте: *русская история, русские просторы, русская государственность* (подробнее см. Жданова 2006: 102–119). В вопросах внутренней, «неотчуждаемой» идентичности (культура, язык, ментальность, система ценностей и набор этических норм) информанты предпочитают оперировать понятием *русский*, а не *российский*. Они склонны использовать *российский* для обозначения проявлений «навязанной извне» государственно-территориальной идентичности: *российская внешняя и внутренняя политика, российский президент* и под. — или негативно коннотированных явлений: *российская действительность*.

В актуальной русской (российской) идентичности, по крайней мере в том ее срезе, который удалось обнаружить в экспериментах, значимой представляется связь русской идентичности не только с языком и культурным наследием, но и с национальной экзотикой и «национальным колоритом».

В выстраивании новой идентичности характерно восприятие «своих» этнокультурных особенностей сквозь призму взгляда извне. В поиске «должных существовать» этнокультурных особенностей носитель русской культуры подходит к «своей» культуре и «своей» системе ценностей с мерками «чужой». Подобный подход типичен и для целого направления в российском кинематографе последнего времени, показывающего «русские национальные особенности» в зеркале другой культуры: вспомним такие фильмы, как «Брат», «Брат-2», «Мусульманин», «Особенности русской национальной охоты», «Сибирский цирюльник».

Заключение

Представленные в статье наблюдения над изменением семантики лексем *русский* и *российский* в русском языке метрополии и диаспоры могут быть сведены к ряду предварительных выводов.

Специфика описываемых лексем напрямую связана с их функцией маркеров идентичности, соответственно, и изменения в семантике их употребления во многом выводимы из кода идентичности, активно постулируемого или пассивно воспринятого носителем языка.

Так, для жителей диаспоры четкое распределение семантических сфер *русского* и *российского* намного менее актуально, нежели для жителей метрополии. Их этнокультурная и этноязыковая отнесенность, определяющая содержание их кода идентичности, описывается лексемой *русский*, а *российский* расценивается ими как стилистический синоним к *русскому* в официальном стиле. В результате *русский* расширяет свою семантику настолько, что начинает использоваться для обозначения и русского, и русскоязычного, и православного, и советского, не без заметного влияния узуса немецкого языка. Однако тенденция к лингвистической экспансии *русского*, при которой им покрываются все знаки «русского присутствия в мире»: этноязыкового, культурного, конфессионального, политического, идеологического и др., — может быть и проекцией сознательного перевода этих многообразных проявлений в исключительно этнический аспект. Такая стратегия индивидуальной идентичности отвечала бы далеко не маргинальному общественному дискурсу.

В России *русский* и *российский* могут быть определены как маркеры «внутренней» и «внешней» идентичности и личные лингвистические предпочтения здесь скорее могут свидетельствовать о культурной и политической позиции говорящего. Последовательное употребление слова *русский* и для обозначения государственно-территориальной принадлежности может быть как признаком разговорности, так и сопротивлением экспансии *российского*.

Если в идентичности диаспоры доминирует прежде всего аспект культурно-языковой, то в метрополии картина оказывается намного сложнее. Здесь предпочтение *русского* или *российского* окажется в первую очередь проекцией взгляда на этничность, нерелевантной для идентичности диаспоры. Кроме того, преобладающие в официальных обращениях и в политическом дискурсе *россияне* и *российский* могут расцениваться как дань формируемой политкорректности: преобладание *русского* в данном случае могло бы быть превратно истолковано. Заметное стремление определенных СМИ свести употребление слова *русский* к обозначению этнической и языковой сферы, а *российский* использовать в значении административном и государственно-территориальном, т. е. терминологизировать обе лексемы, не находит поддержки ни в словарях, ни в узусе. Здесь можно скорее говорить о множестве индивидуальных практик, не сводимых к одному знаменателю. Таким образом, различ-

ным в метрополии и диаспоре оказывается не только лингвистический статус этих лексем, но и их семиотический статус в процессе выстраивания идентичности.

Литература

- Жданова Владислава, Щеголева Юлия А., Сорокин Юрий А. *Русские и «русскость»*. М., 2006.
- СРЯ — *Словарь русского языка*: В 4 т. М., 1981–1984.
- Трубачев Олег Н. *Русский — российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // В поисках единства*. М., 2005. С. 216–227.
- Цивьян Татьяна В. *Перемены в русском языке // Res Linguistica*. М., 2000. С. 206–214.

RUSSKOST' AND *ROSSIYSKOST'* IN THE LANGUAGE OF THE RUSSIAN DIASPORA AS A PROJECTION OF INDIVIDUAL IDENTITY

The author analyzes the changes in the semantics of the Russian words *russkiy* and *rossiyskiy* in Russia and in the Russian diaspora. The peculiar nature of these adjectives is directly connected with their identifying function and the changes in their semantics with those in the code of identification of the speakers. For the Russian diaspora in Germany the distinction between the two concepts is not very important because those speakers identify themselves via *russkiy*, whereas *rossiyskiy* is treated as its synonym in official style. As a result, the semantics of *russkiy* is broadened, and the word begins to be used in reference to all manifestations of the Russian presence in the world: political, linguistic, national and religious (thus, *russkiy* means both 'Orthodox' and 'Soviet'). The broadening is also influenced by the German language. In Russia, *russkiy* and *rossiyskiy* may be treated as manifestations of "external" and "internal" identification and individual linguistic preferences may reveal the cultural and political position of the speaker. Consistent use of the *russkiy* instead of *rossiyskiy* to refer to state and territorial categories may be a feature of colloquial language as well as a conscious act of objection against the expansion of the latter word. In this way, what is different in Russian and the Russian diaspora in Germany is not only the linguistic but also the semiotic status of the lexemes and their role in the process of the speaker's self-identification.